

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

ЦЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ О ПРИБАЛТИЙСКО-СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ

Slaavi-läänemeresoome suhete ajaloost. Artiklite kogumik, Tallinn, 1965, 265 стр. с иллюстрациями, резюме на немецком и русском языках¹.

Latviešu kultūrvēsturiskie sakari ar slāvu tautām (pes arheoloģijas, etnogrāfijas un antropoloģijas materiālem), «Arheoloģija un etnogrāfija», VIII, Rīgā, 1968, 215 стр. с иллюстрациями, резюме на русском языке².

Проблемами исторически сложившихся этнических взаимоотношений и культурных связей прибалтийских и славянских народов археологи, антропологи и этнографы Прибалтики стали планомерно заниматься лишь в советский период. При буржуазном строе значительная часть этих вопросов вообще не исследовалась и не освещалась в печати, а те, которые исследовались, получали тенденциозную окраску. Советскими учеными в первые послевоенные годы была проделана большая работа по разоблачению порочных антинаучных концепций буржуазных авторов и приняты необходимые организационные меры к развертыванию комплексных исследований по проблемам этногенеза и этнической истории народов Прибалтики.

Размаху этих исследований и их методологической зрелости значительно способствовало дружеское объединение усилий ученых центральных научных учреждений Академии наук СССР и институтов прибалтийских республиканских академий. В ходе творческих контактов был разработан перспективный план многолетних полевых исследований в области археологии, антропологии и этнографии и план публикаций. В течение ряда лет проводились совместные полевые работы в рамках созданной в 1952 г. по инициативе Института этнографии АН СССР Балтийской антрополого-этнографической экспедиции (с 1955 г. — Комплексной прибалтийской объединенной экспедиции).

Рецензируемые сборники «Из истории славяно-прибалтийскофинских отношений» и «Культурно-исторические связи латышей со славянскими народами», как и ряд других публикаций по данной проблеме, в значительной мере представляют собой реализацию замыслов, намеченных в те годы. Оба сборника могут служить примером комплексной разработки проблем. Они включают статьи, построенные на археологических, антропологических, этнографических и лингвистических материалах. Во вводных статьях сборников обосновывается значимость разрабатываемых проблем, выявляется положительная роль сотрудничества советских ученых. Во введении к латвийскому сборнику дан также небольшой критический обзор некоторых работ латышских буржуазных авторов.

Сборник «Из истории славяно-прибалтийскофинских связей» подготовлен под редакцией ныне покойного академика АН Эстонской ССР Х. А. Моора и археолога Л. Янитса. Роль Х. А. Моора — крупного исследователя народов Прибалтики — особенно велика в изучении данных проблем. Ему принадлежит и большая заслуга в организации комплексности этих исследований. По инициативе Х. А. Моора была, в частности, создана в 1960 г. Комиссия по координации изучения проблемы славяно-прибалтийскофинских отношений, в которую вошли представители как республиканских научных учреждений, так и Института этнографии АН СССР. В сборнике публикуются исследования, подготовленные при содействии этой комиссии.

¹ Сб. «Из истории славяно-прибалтийскофинских отношений», Таллин, 1965.

² Сб. «Культурно-исторические связи латышей со славянскими народами (по археологическим, этнографическим и антропологическим материалам)», «Археология и этнография», VIII, Рига, 1968.

Открывается сборник статьей М. Х. Шмидехельм «Курганные могильники в Линдора и других местах юго-восточной Эстонии». В основу статьи легли материалы тщательно выполненных Х. А. Моора и М. Х. Шмидехельм раскопок кривичских курганов в Линдора, позволившие подвести некоторые итоги изучения эстонских длинных погребальных насыпей. Дневниковые и графические данные, помещенные в статье, исчерпывающе и квалифицированно характеризуют каждый из линдорских курганов. Это дало возможность М. Х. Шмидехельм наметить место памятника среди синхронных восточноевропейских древностей, определить его дату (VI—VIII вв.) и заявить о несомненном присутствии балтских элементов в эстонских длинных курганах.

К сожалению, автором не выявлялись прибалтийскофинские элементы в длинных курганах псковской группы, в которую входят и эстонские. А такие элементы здесь бесспорно есть. В частности, разнообразные сооружения из камней находят ближайшие аналогии в эсто-ливско-водских могильниках, а не среди восточнолитовских курганов, как полагает М. Х. Шмидехельм. Прибалтийскофинской по происхождению является также подожженная зольная прослойка, наблюдаемая в длинных курганах псковских кривичей. В длинных курганах, расположенных на древней балтской территории, конструкции из камней и зольные прослойки в основании, как правило, отсутствуют.

Проблеме происхождения двух прибалтийскофинских племен посвящена статья Х. А. и А. Х. Моора «Из этнической истории води и ижоры». Авторы, проанализировав данные различных наук — археологии, истории, этнографии, лингвистики и антропологии, воссоздают картину этногенеза води и ижоры и их взаимоотношений со славянами и соседними племенами. Археологические материалы дали возможность Х. А. и А. Х. Моора доказать местное происхождение исследуемых племен, а также проследить миграционные волны. В заключении статьи детально анализируются процессы смещения водско-ижорского населения со славянами и славянизация води и ижоры.

К. Ю. Марк в статье «Антропология населения восточной Эстонии XI—XVIII веков» исследует полученные эстонскими учеными новые краниологические материалы, позволившие детально реконструировать историю сложения антропологического состава восточноэстонского населения. Для XI—XV вв. автор выделяет на территории Эстонии два антропологических типа — долихокранный высоколицый и брахикранный низколицый, которые своими корнями бесспорно уходят в первобытную эпоху — к неолитическому населению ямочно-гребенчатой керамики и к племенам культуры боевых топоров. От названных антропологических типов ведут свое происхождение западнобалтийский и восточнобалтийский антропологические типы, выделяемые в Эстонии в настоящее время.

Представляется, что происхождение брахикранный (лучше, мезокранный) низколицего антропологического типа в северо-восточных районах Эстонии, где имеются и каменные могильники, однотипные с западноэстонскими, и водско-славянские курганы, действительно обусловлено в значительной степени миграцией населения из более восточных территорий. Что касается юго-восточной Эстонии, то здесь подобный антропологический тип, по-видимому, был свойствен местному прибалтийскофинскому населению, а не обусловлен метисацией эстов с кривичами, как полагает К. Ю. Марк. Кроме водской коллекции, краниологическая серия из Отепя очень близка к серии черепов из Кивтского могильника восточной Латвии (см. рецензируемую ниже статью Р. Я. Денисовой), где до прихода латгалов жили те же западнофинские племена, что и на юго-востоке Эстонии.

В трех статьях сборника суммируются результаты лингвистических исследований. П. А. Аристе в статье «Водь в топонимике» приходит к выводу о проникновении на территорию Эстонии двух разновременных волн води: первой — в XIII и второй — в XVIII вв. По мнению автора, водская топонимика обнаруживается и в Латвии: датируемая XIV в. вблизи местечка Сунтажи и XV в. — в окрестностях г. Бауска. Появление в этих местах поселений с водскими названиями П. А. Аристе объясняет принудительным расселением водских военнопленных, пригонявшихся Ливонским орденом из русских земель.

Автор указывает также на проникновение в русский язык водской топонимики, распространенной на коренной территории расселения води в пределах Ленинградской области.

М. Я. Муст в статье «Русско-эстонское двуязычие в северо-восточной Эстонии» затрагивает чрезвычайно интересный вопрос о процессах языковой ассимиляции и формировании своеобразных говоров в среде этнически разнородного населения окраинной части Эстонии. Речь идет о пространстве к северу от Чудского озера, бывшем приходе Ийзаку (ныне часть Кохтла-Ярвского района). В этой наиболее поздно заселенной местности наряду с эстонцами, пришедшими с севера и запада, издавна обитали, как теперь можно считать установленным, водь, ижора и русские (выходцы из окрестностей Пскова и Новгорода). Длительное взаимодействие различных языков и диалектов привело, с одной стороны, к поглощению некоторых из них (водского, ижорского), и с другой — к созданию своеобразного смешанного эстонско-русского говора. Автор характеризует основные черты этого говора и выявляет в нем элементы того и другого языка. Сопоставляя материалы по поколениям, М. Муст устанавливает время последовавшего перехода данной этнической группы на эстонский язык, воспринятый от жителей соседних районов Эстонии. В статье характеризуются особенности этого эстонского разговорного языка как переходного говора, имеющего общие черты со

всеми соседними диалектами, а также сохраняющего следы сильного влияния русского языка.

Статья Т. Г. Строгановой «К характеристике русских говоров северо-запада» посвящена изучению особенностей русского языка в области Восточного Причудья, или так называемого «Гдовского острова». Автор указывает на диалектную сложность очерченного региона, обусловленную спецификой этнических процессов: этническим взаимодействием двух восточнославянских племенных групп — кривичей и словен, а также контактами с неславянским (финно-угорским) населением. Анализируя конкретный материал, Т. Г. Строганова выделяет различные по направлению локализации языковые явления. Их основу, по мнению автора, составляют северовеликорусские говоры, в прошлом испытывавшие на себе интенсивное влияние говоров другого типа — южновеликорусских. Помимо этого, в окрестностях Пскова подмечен специфический диалект, выделенный автором в особую псковскую подгруппу северо-западных говоров. В его формировании, как отмечает Т. Г. Строганова, большое место принадлежит неславянским элементам.

В статье Х. Г. Тампере «Особенности народного календаря в северо-восточной Эстонии» характеризуются представления жителей бывшего прихода Ййзаку о явлениях природы, которые они связывают с народным календарем. Автор привлекает и некоторый материал об общественных и семейных традициях и празднествах. При изложении содержания и народного осмысления того или иного явления Х. Т. Тампере прослеживает черты, типичные и для других групп эстонцев, или сближающие культуру жителей Ййзаку с культурой русских.

По мнению автора, основные календарные даты, отмечавшиеся в Ййзаку, соответствовали общеэстонскому народному календарю, представляя его восточный вариант.

Из календаря соседнего русского населения в календарь эстонцев Ййзаку вошли некоторые престольные праздники (Дмитриев и Михайлов день). Это отличает календарь ййзакских эстонцев от общеэстонского календаря. Много русских черт прослеживается также в свадебной и похоронной обрядности эстонцев Ййзаку. Автор правильно отмечает наличие в календаре и семейных обрядах ййзакских эстонцев отдельных черт, распространенных на значительно более обширной территории (в юго-восточной Эстонии, на Ижорском плато, в восточной Финляндии, Карелии, северо-западных русских районах), объясняя это общностью исторического развития живущих там народов, а также постоянными контактами и непрерывными процессами взаимной ассимиляции. Таковы, например, обряды осенних жертвоприношений (Мартынов и Катеринин день), отправление «бабьего праздника» и другие.

* * *

В сборнике о культурно-исторических связях латышей со славянскими народами вслед за введением идут две обзорные историографические статьи: Я. Граудониса, И. Лозе, Э. Мугуревича, Э. Шноре — «Полевые археологические исследования в Советской Прибалтике» и Г. Строда «Латышская советская этнография за 25 лет (1940—1965)». Обе эти статьи по своему содержанию выходят за пределы проблем, рассматриваемых в сборнике.

Изложение конкретных материалов в сборнике начинается также с археологических статей.

Две статьи — Я. Граудониса «О связях населения Латвии в эпоху раннего металла» и Е. Цимермане «Текстильная керамика на территории Латвии и вопрос о ее связи с дьяковской культурой» несколько расширяют тематику сборника, так как анализируют связи древних обитателей Латвии с дославянским населением будущих восточнославянских территорий. Я. Граудонис показывает, что культурные связи между древним населением Прибалтики и других восточноевропейских территорий в значительной степени отражают этнические взаимоотношения. Отдельные типы вещей, особенно те, которые связаны с первобытным искусством или культовыми традициями, распространяются главным образом внутри однородных этнических ареалов. Возникает вопрос о раннем финно-угорском слое в Прибалтике и в более восточных областях. В последнее время появились работы П. Н. Третьякова, О. Н. Бадера и А. Х. Халикова, в которых раннеэнеолитическое население лесной полосы Восточной Европы (за исключением Прикамья) атрибутируется как дофинно-угорское, а расселение финно-угров связывается с распространением водосовской культуры. Между тем карты Я. Граудониса показывают тесную связь прибалтийской культуры неолита с волго-окской культурой ямочно-гребенчатой керамики. И если прибалтийская культура признается финно-угорской (для отрицания этого у исследователей нет оснований), то нельзя игнорировать возможность финно-угорской атрибуции волго-окской ямочно-гребенчатой керамики.

На основе всестороннего анализа текстильной керамики, собранной из нескольких десятков памятников Латвии, Е. Цимермане показывает своеобразие этой посуды и ее местное происхождение. Работа Е. Цимермане является первым серьезным опытом по исследованию локальных различий внутри обширного ареала текстильной керамики. Выделение латвийского варианта текстильной керамики позволило исследователю говорить об особой этнической группе древнего прибалтийского населения, занимавшего современную Латвию.

По статье Е. Цимермане можно сделать два замечания. Выделенный вариант текстильной керамики лучше называть не латвийским, а восточнолатвийским, поскольку исследуемый в статье материал в основном происходит из памятников той части Латвии, где отсутствуют каменные могильники. Текстильная керамика из каменных могильников Латвии, как и из поселений, расположенных в ареале этих памятников, единична. Не исключено, что текстильную керамику этой территории, объединяемой с Эстонией, в один ареал однородными погребальными памятниками (каменными могильниками), со временем удастся соединить с эстонским вариантом этой посуды. Полагаем, что памятники Придаугавы с находками текстильной керамики следует считать не балтскими, а смешанными балто-прибалтийскофинскими. Небольшой процент посуды с текстильными отпечатками на этих памятниках не противоречит такому выводу — в памятниках Псковской земли и на городищах Верхнего Подвинья находки текстильной керамики также немногочисленны.

Для археологов-славистов и исследователей прибалтийских древностей большой интерес представляет статья В. Уртана «Связи населения Латвии со славянами во второй половине I тысячелетия». В первой части этой работы анализируются памятники кривичско-латгальского пограничья и исследуются взаимоотношения кривичей с латгалами. В. Уртан впервые собрал и подытожил все материалы по длинным курганам Латвии, которые известны в 13 пунктах. Исследователь прав, что деление валлообразных курганов на длинные и удлинённые, производимое иногда археологами, нецелесообразно. Вместе с тем включение в число рассматриваемых памятников овальных курганов безусловно ошибочно. В частности, в Латышонках в таких курганах вместе с захоронениями по обряду кремации открыты труположения Х в.

В. Уртан подразделяет круглые курганы восточной Латвии на конусообразные, полусферические и сегментовидные. Аналогичные по форме курганы имеются на всей древнерусской территории, но хронологического различия между ними нет. Между тем В. Уртан полагает, что конусообразные курганы являются наиболее ранними из круглых, сопоставляет их с новгородскими сопками и датирует VI—IX вв. Однако каких-либо конкретных материалов для такой датировки конические курганы в Пасиене и Скрипчине не дали. Сопоставление их с сопками новгородских словен, по нашему мнению, не оправдано. Сопки отличаются от обычных круглых курганов не конической формой, а присутствием в основании каменной обкладки и на вершине — площадки, близкой к горизонтальной. Сопок в Латвии не обнаружено, а конусообразные курганы, как и в областях древней Руси, по-видимому, относятся к IX—X вв.

В курганах с труположениями, исследованных в восточной Латвии, последовательно обнаруживаются латгальский ритуал (мужские захоронения ориентированы головой к востоку, женские — в обратном направлении) и латгальский вещевого инвентаря. По-видимому, в результате смешения кривичей с балтами в XI—XII вв. победу здесь одержал балтский этнический компонент.

С конца X в. среди труположений латгальских грунтовых могильников появляются единичные трупосожжения женщин, по мнению В. Уртана, — славянок (жен латгалов). Более вероятной является прибалтийскофинская атрибуция этих трупосожжений. В пользу этого говорят антропологические материалы, выявляющие заметную роль местного прибалтийскофинского компонента в генезисе населения северо-восточных районов Латвии. К тому же в конце X в. ритуал кремации умерших у славян доживал последние десятилетия, на смену ему пришел обряд труположения.

Трудно согласиться с интерпретацией могильника в Цирнаве, состоящего из плоских курганов с крупными камнями, как памятника этнически смешанного населения (новгородские словены, латгалы и финно-угры). Ничего словенского в этих курганах нет. Вещевой материал их латгальский, а присутствие камней в конструкции погребальных насыпей сближает их не с памятниками словен, а с каменными надмогильными сооружениями прибалтийских финно-угров.

Описывая жальники северо-восточной Латвии (Шкильбени, Даниловка), В. Уртан называет их водскими памятниками. Между тем картография новгородских жальников противоречит такому мнению — основная часть жальников сконцентрирована в старых словенских районах, они почти отсутствуют в местах, где водь зарегистрирована письменными источниками, зато их много на востоке Новгородчины, где водь никогда не жила. Поэтому более обоснованным представляется положение А. А. Спицына и других исследователей о словенской принадлежности жальников.

Во второй части статьи В. Уртана анализируются предметы второй половины I тысячелетия, попавшие на территорию Латвии из славянских земель или через посредство славян и, наоборот, предметы, импортированные из Латвии в славянские земли. Представляется, что часть предметов, привлеченных исследователем для анализа связей между древним населением Латвии и славянами, не отражает таковых. Это, в частности, предметы с выемчатой эмалью, арбалетовидные фибулы V—VI вв., шейные гривны V в. В третьей четверти I тысячелетия значительная часть Верхнего Поднепровья и Подвинья была занята еще балтоязычными племенами, и эти предметы свидетельствуют об этническом единстве Латвии и Поднепровья.

В статье А. Зарини «Черты общности в тканях латгалов и славян XII—XIII вв.» исследуется целый ряд одинаковых элементов, наблюдаемых при изучении древних тканей этих племен. Автор справедливо отмечает, что общие элементы не всегда являются результатом взаимных связей. В частности интересно наблюдение А. Зарини о сходстве техники изготовления и композиции латгальских клетчатых вилайне и встре-

чающихся у славян западных районов Волго-Окского междуречья тканей в клетку. Автор правильно интерпретирует эту общность древними культурно-этническими связями внутри балтского ареала. С другой стороны, трудно согласиться с выводом А. Зарина, что распространение горизонтального ткацкого станка у латгалов — следствие их торговых и культурных связей с западными славянами. В древней Руси, с которой латгалы находились в более тесных взаимоотношениях, горизонтальный ткацкий стан появился не позже, чем в Польше³.

Значительный краниологический материал второй половины I и начала II тысячелетия, собранный латышскими исследователями, позволил Р. Я. Денисовой нарисовать в статье «Антропологические особенности восточных латышей в связи с их этнической историей» убедительную картину формирования раннесредневекового и современного населения Латгалии. Для эпохи раннего средневековья исследователь выделяет четыре антропологических типа, из которых три локализируются в восточных районах Латвии. Это — массивный долихокраний тип с высоким и широким лицом, характерный для основной массы латгалских могильников, мезокраний тип со средневысоким, широким и несколько уплощенным лицом, известный по Кивтскому могильнику и сходный с сериями черепов из прибалтийскофинских погребений восточной Эстонии и Водской пятины и, наконец, грацильный мезокраний тип с лицом средней высоты и ширины, представленный в серии из могильника селов в Леясдупеле. Автор сопоставляет последнюю серию со славянскими курганными черепами Верхнего Поднепровья, что формально справедливо. Однако вывод Р. Я. Денисовой, что происхождение этого антропологического типа латышей связано с более восточными и юго-восточными территориями, представляется преждевременным. Археология пока не располагает какими-либо материалами, позволяющими допустить миграцию верхнеднепровского населения в область селов.

В. П. Алексеев в статье «Краниология латгалов в связи с вопросами их происхождения» публикует данные по серии черепов из могильника XVIII в. под Лудзой и, анализируя их в сравнении с другими краниологическими и антропологическими материалами, ставит вопрос о происхождении у латгалов монголоидного компонента. Автор показывает, что монголоидная примесь отсутствует у средневековых латгалов и выявляется только позднее, когда латышское население впитало в себя местный финский этнический элемент. Вопрос этот рассматривается В. П. Алексеевым на фоне взаимоотношения европеоидного и монголоидного компонентов у древнего населения лесной полосы Восточной Европы.

Статья К. Курцалта «О топонимах первобытных погребений и поселений восточной части Латвийской ССР» является первой попыткой анализа географических названий в зависимости от расположенных по соседству археологических объектов. Названия, локализуемые близ памятников III тысячелетия до н. э., автор относит ко времени индоевропейского языка-основы, некоторые топонимы близ погребений бронзового века — к периоду функционирования балтского языка-основы и т. п. Такое сопоставление заманчиво. Однако в этом случае тот или иной вывод может быть подсказан археологическим заключением.

Следующая статья сборника — «Балты в Средней Европе в доисторическое время» — написана К. Турнвальдом. В Центральной Европе автор обнаруживает топо-гидронимы, которые сопоставляются с названиями исторических балтских территорий и объясняются из древнепрussкого, литовского и латышского языков. К балтским относятся также и некоторые этнонимы древних авторов. К. Турнвальд приходит к выводу, что балты некогда достигали Чехословакии, среднедунайских областей и даже доходили до Адриатики. В заключение автор обращается к археологическим данным и относит к балтам тшинцеую, лужицкую и иные среднеевропейские культуры эпохи бронзы.

Дискуссионный характер этой статьи бесспорен, что и отметили в примечании к ней один из редакторов сборника Г. Строд и рижский филолог А. Янсонс. Представляется, что К. Турнвальд явно увлекся поисками балтизм. Некоторые названия, упомянутые в статье, могут быть интерпретированы на основе иных, небалтских материалов. Балтская атрибуция лужицкой, тшинцекой и других среднеевропейских культур археологически не может быть оправдана.

Этнографическая часть сборника открывается статьей А. А. Алсупе «Культурно-исторические связи латышского и славянских народов по материалам текстильных изделий и орудий ткачества XIX и XX вв.», являющейся частью подготовленной к печати монографии автора о латышском народном ткачестве.

А. А. Алсупе характеризует подмеченные ею у балтских и славянских народов общие черты в орудиях и приемах труда, связанных с домашним производством тканей, а также в технике изготовления тканей и их орнаментике.

Анализируя материал, автор выделяет две группы явлений, свидетельствующих о культурной общности балтов и славян — одна имеет более широкий регион распространения и проявляется уже на ранних этапах исторического развития балтских и славянских народов (XII в.); другая преимущественно ограничена территорией восточной Латвии и смежной полосой расселения восточных славян и возникает в значительно более поздний период (XVII—XIX вв.). К первой группе явлений автор относит типы

³ См. Б. А. Колчин, Новгородские древности. Деревянные изделия, М., 1968. стр. 68—72.

ткацких станов, бытовавших у балтов и славян, способы подготовки основы, приемы измерения ее ширины, типы челноков и т. д. и объясняет их общность сходными экологическими условиями, одинаково отразившимися на формировании материальной культуры этих народов. Вторая группа характеризуется общими чертами, обнаруживающимися в деталях ткацких станов и их терминологии, в технике ткачества, типах орнамента и т. д., что обусловлено, по мнению автора, культурным взаимодействием латышей, русских, белорусов, отчасти поляков, расселенных в непосредственной близости и находившихся в постоянных хозяйственных и культурных контактах друг с другом. А. А. Алсупе безусловно права, выделяя именно эти два главных фактора, определяющих общность культурных явлений, связанных с развитием ткачества, но вряд ли возможно с той определенностью, как это сделано в статье, разграничить воздействие на анализируемые явления каждого из факторов.

А. Крастыня в статье «Черты народного строительства восточной Латвии (Латгалии) в XIX — начале XX в.» знакомит с материалами, свидетельствующими о культурных связях латышского и русского народов в области сельской архитектуры. Опираясь на собственные полевые материалы и некоторые публикации Института этнографии АН СССР, широко исследовавшего жилище восточной Латвии и пограничных районов РСФСР и БССР, автор подтверждает высказанные ранее в печати положения о близком родстве крестьянского жилища латышей восточной Латвии с жилищами русских, белорусов и поляков. Составными частями этого жилища были изба с печью русского типа (глинобитной на деревянном опечье) и холодные неотопливаемые сени, к которым по другую сторону нередко пристраивалась холодная камора, позднее — вторая отапливаемая изба. Печь в избе стояла в углу при входе и была обращена устьем к противоположной продольной стене избы. По диагонали от печи находился чистый угол. Такая планировка, известная в литературе под названием украинской и белорусской, типична и для северо-западных русских районов.

Из общего комплекса вопросов, связанных с жилищем, основное внимание автор уделял конструктивным элементам, планировке и устройству отопительной системы. Интересны соображения А. Крастыня о специфике жилища у различных социальных групп крестьян.

Разделяя в целом выводы автора об основных направлениях развития восточного типа жилища Латвии во второй половине XIX — начале XX в., мы не видим основания к сближению одной из его разновидностей — избы с прирубом (трисенкой) с жилыми постройками центральной и западной Латвии. Изба с прирубом, получившая распространение в восточной Латвии в начале XX в., типична именно для русского зодчества.

Статья А. А. Завариной «Материальная культура русского старожильского населения Латгале во второй половине XIX — начале XX в.» является первой сводкой оригинальных полевых материалов автора. Из русского населения Латвии, крайне неоднородного по своему происхождению и времени расселения, автор исследует старообрядцев, поселившихся в восточной Латвии в XVII—XVIII вв.

Основываясь на материалах переписи населения 1897 г. и некоторых архивных источниках, А. А. Заварина характеризует численность и расселение русских в Латвии и определяет их как выходцев из окрестностей Пскова и Новгорода.

Основное внимание А. А. Заварина уделяет материальной культуре русских старообрядцев — жилищу, одежде, пище. Научную ценность представляет уже само описание этих основных элементов материальной культуры. Этнографических работ, специально посвященных русскому населению Латвии, до сих пор нет. Некоторые весьма фрагментарные сведения о его культуре удавалось почерпнуть лишь из этнографических публикаций последних лет о латышах, где, как и в статьях данного сборника, для сопоставления приводились материалы о русских.

Выводы автора о характере хозяйственных и культурных контактов русских и латышей согласуются с основными положениями, ранее высказанными по этому поводу исследователями этнографии латышей. Так, А. А. Заварина безусловно права, утверждая, что влияние русских на формирование культуры восточных групп латышей наиболее отчетливо выявляется на материале жилища и строительной техники. В остальных областях культуры, в частности в качестве, пище, наблюдаются многие черты, заимствованные русскими от латышей.

Заслуживает внимания и другой вывод автора о более ранней у русских, чем у окрестного латышского населения, ломке традиционных форм быта. Русские, в отличие от латышей восточной Латвии, как справедливо отмечает А. А. Заварина, в силу ряда причин постепенно превратились из землепашцев в крестьян-отходников и ремесленников. Эти особенности экономического развития русских прямым образом сказались на трансформации их быта. В статье последовательно прослеживается процесс урбанизации русского сельского населения и выявляется его специфика среди различных социальных групп крестьян.

Автор отмечает, что процесс урбанизации тормозился старообрядческой церковью, стоявшей на страже сохранения изоляции и замкнутости быта ее пасты. Последнее нередко приводило к вычурным сочетаниям тех или иных весьма консервативных черт быта с их модернизованными формами. Особенно отчетливо это проявлялось во внешнем облике мужчин и женщин из старообрядческой среды (в их прическах, костюме и т. п.).

Небольшая статья Дз. Вискна «Быт и традиции латышей в Советском Союзе в 20—30-е гг. XX в.» затрагивает вопрос, ранее совершенно не освещавшийся в литературе.

В статье приводятся малоизвестные данные о численности латышей в СССР в те годы, их социально-профессиональном составе; сообщается о большой и плодотворной работе местных органов Коммунистической партии и Советского правительства в области просвещения и культурно-бытового обслуживания латышского населения; характеризуется активное участие латышей — рабочих, колхозников, интеллигенции — в развитии экономики и культуры Советской страны в период построения социализма; рассказывается о преобразовании быта латышей в условиях расселения в инонациональной среде, а также отмечается сохранение в их быту некоторых прежних традиций.

Дз. Вискна правильно подчеркивает, что в развитии латышской советской культуры большое значение имел этот начальный период 1920—1930 гг., когда примерно одна десятая часть латышского народа жила и трудилась в братской семье советских народов. Нельзя не согласиться с автором, что вопрос о жизни, труде и быте латышей в Советском Союзе в те десятилетия, когда в Латвии господствовал буржуазный строй, заслуживает дальнейшего всестороннего исследования и освещения в печати.

Л. Думпе в статье «Некоторые вопросы взаимовлияния духовной культуры латышей и русских в период социализма и строительства коммунизма» использовала материалы Всесоюзной переписи населения 1959 г., некоторые данные ЦСУ ЛатвССР и Министерства культуры ЛатвССР, периодическую печать за 1940—1965 гг., а также данные анкетного опроса по различным вопросам культуры, проведенного сектором философии Института истории АН ЛатвССР и редакциями республиканских газет. В начале статьи сообщается о современном национальном составе Латвийской республики в сопоставлении с данными о национальном составе 1935 г. Отмечая рост удельного веса инонационального населения в республике (преимущественно русских, автор указывает на все возрастающую роль русского языка как второго языка общения.

Далее автор рассматривает основные формы культурных связей латышей с другими братскими народами Советского Союза. Статья насыщена многими интересными цифровыми показателями, удачно сведенными в таблицы, и может служить ценным источником при исследовании этих вопросов. Например, приводятся данные о числе молодежи латышской национальности, обучающейся в вузах за пределами республики, о количестве переводной латышской и русской художественной литературы, вышедшей в Латвии за период 1951—1964 гг., и латышской художественной литературы и т. п.

Особое внимание Л. Думпе уделяет новым формам культурного общения, развившимся в условиях советского строя: декадам латышской литературы и искусства в Москве, неделям латышской литературы в РСФСР и русской в Латвийской ССР, фестивалям театров и кино, различным конкурсам, вечерам и встречам трудящихся Латвии с деятелями культуры и искусства братских республик и т. п.

В статье отмечается и все большее проникновение русской духовной культуры в жизнь латышского народа. Это заметно сказывается на репертуаре коллективов художественной самодеятельности, в частности на репертуаре традиционных праздников песни.

Подводя итоги всему сказанному, хотелось бы еще раз положительно оценить выход в свет данных сборников и выразить уверенность в том, что разработка затронутых в них проблем будет продолжена.

В. В. Седов, Л. Н. Терентьева

ОБЗОР ЖУРНАЛА «ЭТНОГРАФИЯ»

ВЕНГЕРСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

ЗА 1959—1968 гг.

Журнал «Ethnographia» Венгерского этнографического общества является одним из старейших журналов по этнографии в Венгрии. В 1969 г. исполняется 80 лет со дня его основания. За этот долгий период по страницам журнала можно проследить весь путь развития венгерской этнографической науки и различных направлений в ней. Опубликованные в журнале статьи и заметки, посвященные этнографическому описанию венгерского народа, дают также читателю представление о трансформации всей жизни венгерского общества, прежде всего духовной и материальной культуры крестьян.

Журнал «Ethnographia» представляет несомненный интерес и для ученых других стран, так как на современной венгерской территории, расположенной в среднем течении Дуная, издавна селились самые различные народы, и сложная этническая исто-